

С.Н. ИГНАТОВА, Е.М. ПОРЕЦКИНА

МОЖНО ЛИ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА? (по результатам анализа фокус-групп России и Беларуси)¹

Аннотация. Статья основана на результатах фокус-групп, проведенных в рамках сравнительного международного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» (2006–2009) и посвящена анализу предлагаемых респондентами путей уменьшения социального неравенства в России и Беларуси. В ходе анализа выделяются экономические и политические пути смягчения социального неравенства для индивидов. Отдельно анализируется роль социальных и политических институтов в улучшении ситуации с социальным неравенством в обеих странах.

Ключевые слова. Социальное неравенство, социальные и политические институты, власть, экономическая политика, экономическое и политическое поведение

Процесс перехода от полностью общегосударственной социалистической экономики к рыночной модели хозяйствования при отсутствии исторического опыта обусловил появление во многих странах СНГ, Центральной и Восточной Европы собственных моделей развития транзитивных экономик. Модели эти различаются степенью государственного вмешательства в экономическую жизнь, уровнем либерализации и приватизации, динамикой экономических преобразований и благосостояния народа.

Российские реформы проводились под лозунгом максимальной либерализации экономики и минимального вмешательства государства в ход рыночных реформ. Общим для всех стран является то, что

¹ Статья подготовлена по материалам международного проекта Комиссии Европейских Сообществ EUREQUAL «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» (2006–2009). В рамках проекта были проведены массовый опрос по репрезентативной выборке (N=2000 в России и N=1000 в Беларуси) и восемь фокус-групп (четыре в России и четыре в Беларуси), по две в крупном городе и сельской местности. В каждой фокус-группе участвовало по 12 человек, четыре группы проведены с респондентами со средним доходом, четыре — с низким доходом. Уровень дохода рассчитывался исходя из данных Госкомстата Российской Федерации и Республики Беларусь на момент опроса. Выборка была выровнена по полу, возрасту, образованию и характеристикам занятости.

проблемы социального неравенства попали в фокус социальной политики и стали изучаться.

Российские экономисты и социологи отмечают, что неравенство в зависимости от условий, в которых оно реализуется, может оказывать противоположное влияние на состояние общества (А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута, В.В. Сопцов, Н.М. Римашевская и др.)². Согласно исследованиям А.Ю. Шевякова и А.Я. Кируты, различным видам экономического, социального и демографического поведения соответствуют определенные пороговые уровни доходов. Если уровень дохода ниже порогового, то экономически активное поведение не может быть полноценно осуществимым. Исследователи установили взаимосвязь между экономическим неравенством в обществе и социально-экономическими показателями по России в целом и отдельным российским регионам, а также предложили разложить показатель неравенства на «нормальное» и «избыточное». Общее неравенство доходов населения внутри регионов относительно слабо связано с макроэкономическими показателями, при этом нормальное и избыточное неравенство существенно влияют на уровень валового регионального продукта (ВРП), показатели рождаемости и смертности. Как считают исследователи, если большая часть общества видит в существующем уровне социального неравенства стимул для развития и население испытывает минимальный дискомфорт от неравенства оплаты труда, неравенства положения в обществе, то такое социальное неравенство можно считать позитивным, нормальным. Если же значительная часть общества не видит способов улучшения своего положения за счет собственных усилий, а уровень тревожности в обществе растет, то такое социальное неравенство можно считать избыточным: оно разрушительно действует на социально-экономическое поведение людей³. Кроме того, когда значительная часть населения

² Римашевская Н. О проблеме преодоления бедности и неравенства // Экономическая наука современной России. 2005. №3. С. 47–51; Шевяков А.Ю. Неравенство, экономический рост и демография. М.: РИГ: ИСЭПН РАН, 2008; Шевяков А.Ю., Жаромский В.С., Сопцов В.В. Современная социальная политика: анализ эффективности и направления реформирования. М.: ИСЭПН РАН, 2008; А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута. Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы // Народонаселение. 2007. №4. С. 4–20.

³ Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России: методы измерения и анализ причинных зависимостей. М.: РПЭИ, 2000; Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М.: «Лето», 2002; Шевяков А. Снижение избыточного неравенства и бедности как фактор

получает низкую заработную плату, это значит, что трудовой потенциал этих людей используется неэффективно, а люди не имеют возможности осуществлять свои экономические и социальные функции. Именно такая ситуация сложилась в России. «Нормальное неравенство не только допустимо, но и желательно, социально оправдано... Избыточное же неравенство тормозит экономический рост и создает угрозу социально-политической стабильности»⁴.

Положение с уровнем социального неравенства в Республике Беларусь нельзя характеризовать в терминах избыточного. Модель «государственного капитализма», «социально-ориентированной рыночной экономики», реализуемая президентом и правительством этого государства, удерживает социальное неравенство в допустимых нормах. Но, подчинив экономику управленческим структурам, Беларусь получила другой тип неравенства — не неравенство между богатыми и бедными, а неравенство между теми, кто имеет доступ к власти и, соответственно, к ресурсам, и теми — то есть основной массой населения — кто такого доступа не имеет. Неслучайно «неравенство перед законом» становится основным проявлением социального неравенства, по мнению белорусских респондентов, а выравнивание размеров заработных плат (при их низком уровне), уплощение профиля экономической стратификации общества становится тормозом экономического развития, так как снижает трудовую мотивацию в обществе⁵. К тому же, как отмечают многие экономисты, ослабляя политический гнет и государственное регулирование экономики, страна неминуемо получит рост социального неравенства в обществе.

При этом одной из ведущих задач социально-экономической политики обоих государств должна стать поддержка оптимального уровня неравенства в обществе и противодействие росту избыточного неравенства. На материалах фокус-групп проекта EUREQUAL и с привлечением результатов массового опроса мы проанализировали,

экономической динамики и роста инновационного потенциала России // Общество и экономика. 2006. №11–12. С. 5–36; *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России: методы измерения и анализ причинных зависимостей. М.: РПЭИ, 2000.

⁴ Социальное неравенство и публичная политика / под ред. В.А. Медведева (и др.). М.: Культурная Революция, 2007. С. 34.

⁵ *Соколова Г.Н.* Социологическая экспертиза как инструмент анализа социальных последствий экономических реформ в Беларуси // Общество и экономика. 2004. № 7–8. С. 312–321.

как граждане представляют проблему социального неравенства, видят ли они пути ее смягчения и какие механизмы решения этой проблемы предлагают.

В соответствии со сценарием фокус-групп респондентам был задан вопрос: «можно ли что-то сделать с социальным неравенством?». Дискуссия была построена таким образом, что респонденты вначале обсуждали пути и способы уменьшения социального неравенства, зависящие от личных усилий индивида, затем — пути смягчения социального неравенства, зависящие от различных институтов общества (правительства, общественных, религиозных организаций и т. д.), а в конце обсуждения — возможные меры, которые, по их мнению, должны быть направлены на снижение социального неравенства. Следует отметить, что обсуждение вопросов смягчения остроты социального неравенства свелось к проблеме улучшения собственного благосостояния. При этом рассматривались различные стратегии такого улучшения — экономические, сетевые (использование социальных сетей и индивидуальных связей) и политические. Таким образом, наш анализ данной проблемы будет состоять из двух частей: в первой мы рассмотрим все те варианты смягчения проблем социального неравенства, которые зависят от непосредственных действий самого индивида, а во второй — те действия по уменьшению неравенства, которые население ждет от государственных и общественных структур. Дискуссия не показала существенных отличий в высказываниях респондентов в зависимости от пола, возраста, образования или характеристик занятости. Если такие отличия все же наблюдались, на них в тексте статьи обращалось особое внимание.

1. Можно ли что-то сделать с социальным неравенством?

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу вышеназванной проблемы, хотелось бы обрисовать общий фон дискуссии. В целом, обсуждая проблемы социального неравенства в обществе, большинство респондентов во всех группах констатировали, что неравенство будет существовать всегда — как элемент, присущий любому обществу, создаваемый естественными или социальными условиями. Часть респондентов воспринимала неравенство как фактор, являющийся определенным стимулом для развития, для «личностных достижений», для «создания целей для устремлений», для «прогресса». Другая часть, признавая неизбежность неравенства, полагала, что в со-

временном обществе оно гипертрофировано, респонденты говорили о необходимости смягчения его проявлений, регулирования со стороны государства избыточного неравенства («не должно быть такого резкого расслоения на богатых и бедных в обществе», «пропасти не должно быть», неравенство «должно быть, но в меру»).

Такой вывод, на первый взгляд, в определенной степени противоречит исследованиям, проводящимся в последнее время и посвященным именно восприятию проблемы социального неравенства в современном российском обществе. Например, в публикациях Р. Рывкиной делается вывод о высокой степени эгалитарности массового сознания в российском обществе⁶. Однако в нашем случае сначала обсуждалась проблема социального неравенства как общественного явления. И при таком подходе респонденты обнаружили вполне разумный подход — социальное неравенство имманентно присуще любому обществу, проблема состоит в «мере» неравенства и способах его регулирования.

В целом респонденты обеих стран разделились на две группы исходя из своего отношения к возможностям смягчения социального неравенства в обществе. Первая группа придерживается той точки зрения, что с социальным неравенством **ничего нельзя сделать** ни на личностном, ни на институциональном уровнях. Причем если в белорусских группах это были единичные высказывания, то в российских группах участников, поддерживающих это мнение, значительно больше. В качестве подтверждения своей позиции респонденты выдвигали следующие тезисы:

- ничего делать не нужно, так как социальное неравенство — это естественный элемент существования любого общества («реалисты»):

К.: Можно решить, что оно нужно. И тогда ничего не делать. (М., 24)

Т.-2: Хорошо Константин сказал! (Ж., 53) А.: Ничего мы не можем поменять. Оно всегда будет. (М., 20, средний доход, город, Россия)

- любые усилия (личностные или со стороны государства), направленные на уменьшение социального неравенства, ни к чему не приводят («пессимисты»):

⁶ Рывкина Р. Социальные неравенства в постсоветской России // Свободная мысль—XXI. 2004. №5. С. 82–92 и др.

Т.-1: Мне кажется, даже если предпринимать какие-то шаги, все равно ничего не получится. (Ж., 20) В.: Да, не получится. (Ж., 48, низкий доход, село, Россия)

О.: Все ограничивается только обещаниями, и действительно, нет людей, которые бы хотели что-то сделать для народа, а не для себя лично. (Ж., 28, средний доход, село, Россия)

Вторая группа (назовем таких респондентов «оптимистами») полагала, что **уровень социального неравенства в обществе можно изменить**. Тех, кто придерживается этой точки зрения, и в России, и в Беларуси значительно больше. При этом ответственность за такие изменения, как правило, возлагалась респондентами на руководство своих стран, хотя результаты, по их мнению, будут видны не скоро, через десятилетия.

Т.-1: Это только от правительства зависит. От власти. Больше ни от кого. (Ж., 56, средний доход, город, Россия)

Но были единичные высказывания и о том, что изменение уровня социального неравенства зависит от самих людей.

Т.-2: Не все, но что-то от нас зависит... Кто-то из мальчиков сказал, что социальное неравенство — это своего рода толчок для каких-то действий. Что это стартовая площадка. Так если мы сами сознаем, что это стартовая площадка, то это логически и выходит, что мы можем в каких-то моментах изменить. (Ж., 53) Л.: Скорее откорректировать! Это очень важно. Не изменить, а откорректировать. (М., 23, средний доход, город, Россия)

Ю.: То есть нам с вами, людям, надо измениться. (М., 45, низкий доход, село, Беларусь)

Т.: ...То есть должно быть понимание с обеих сторон: и со стороны народа, и со стороны власти. Тогда может что-то измениться. (Ж., 37, средний доход, город, Беларусь)

С одной стороны, социальное неравенство — это толчок для индивидуума, повод для того, чтобы предпринять какие-то действия для улучшения своей позиции, с другой стороны, — для того чтобы социальное неравенство стало стимулом для изменений в обществе в

целом, необходимо осознание его как общественной проблемы и со стороны населения, и со стороны власти⁷.

2. Способы смягчения социального неравенства, зависящие от конкретного индивида

Проблемы смягчения социального неравенства в обществе для респондентов в ходе фокус-групп оказались прежде всего проблемами уменьшения *избыточного* социального неравенства. Это, в свою очередь, тесно связано с улучшением собственного материального благосостояния. Таким образом, дискуссия свелась к проблемам увеличения дохода, улучшения качества и условий жизни. Среди основных проявлений социального неравенства были выделены неравенства в доходах, неравенства в возможности доступа к конституционно гарантированным социальным благам и неравенство в доступе к власти (возможность участвовать во властных структурах и доступность институтов власти)⁸. Таким образом, для респондентов обеих стран повышение своего благосостояния автоматически смягчает два первых проявления социального неравенства и значительно уменьшает третье проявление.

2.1. Экономическая стратегия

Большинство респондентов в России и Беларуси выбрали изменение индивидуальной трудовой стратегии в качестве одного из основных способов улучшения своего материального положения, что в конечном итоге будет способствовать смягчению социального неравенства в обществе. Назовем такую стратегию «экономической». Эта стратегия включала в себя большую активность на рынке труда, интенсификацию своего труда, дополнительную занятость и т. п.

Преимущественный выбор «экономической» стратегии респондентами фокус-групп совпадает с результатами массового опроса, в соответствии с которыми подавляющее большинство респондентов

⁷ Именно такой подход является ключевым в коллективной монографии российских социологов и экономистов «Социальное неравенство и публичная политика» / под ред. В.А. Медведева, М.К. Горшкова, Ю.А. Красина. М.: Культурная Революция, 2007.

⁸ Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси) / Г.В. Еремичева, Е.П. Евдокимова (и др.) // Петербургская социология сегодня (Сборник научных трудов Социологического института РАН). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 153–259.

обеих стран считали, что «чтобы добиться успеха в жизни, важно усердно работать» (88,1% в России и 91,2% в Беларуси). Среди факторов, которые «могли бы повысить уровень жизни», и в России и в Беларуси на первом месте стоял вариант «найти новую работу», а на втором — «открыть свое дело». Однако выбор предпринимательской деятельности как варианта экономической стратегии в фокус-группах встречался в единичных случаях. Основной причиной такого осторожного отношения к предпринимательству являлась, по словам респондентов, нехватка стартового капитала и недостатки законодательства для ведения собственного бизнеса.

И: Буду работать больше — мне будут больше платить. Если я буду на два часа больше работать и еще по субботам, то мне будут больше платить. И если я вложу эти деньги в какие-то акции, ПИФы, это может вырасти. Ну, не очень, но примерно так. (М., 23) М: Если инвестировать? И.: Да. И подрабатывать, всеми способами — законными и незаконными. Можно, да. (М., 23, низкий доход, город, Россия)

Н.: Да, работать надо. Если человек не будет работать, а будет сидеть дома и ждать, что упадет манна небесная, то ничего не будет. (Ж., 30, низкий доход, село, Россия)

С.: Найти вторую работу себе... Да, если найду средства, то обязательно вложу. Я пока сменила уже третью работу. И ищу 26-й час в сутках. (Ж., 35, низкий доход, город, Беларусь)

Т.: Это то, чем я сейчас и занимаюсь. Сейчас у меня единственный выход из создавшегося моего положения. У меня есть основная работа и плюс сто подработок. Легальных и нелегальных. Таким образом я и выживаю. (Ж., 37, средний доход, город, Беларусь)

В целом по ответам на вопрос о том, может ли сам человек что-то сделать для уменьшения социального неравенства, всех респондентов можно разделить на две группы. **В первую входили люди, которые предпочитали полагаться только на свои силы** и верили, что улучшения условий своей жизни могут добиться собственными усилиями. Они не ожидают никакой поддержки от государства, и при этом их главное требование к властям — «не мешать».

К.: (...) Либо ты сам будешь на себя горбатиться и чего-то добьешься, либо государство тебе ничего не принесет. (М., 24, средний доход, город, Россия)

А.: Не дайте денег, а дайте заработать. (М., 47, средний доход, село, Россия)

Т.-1: Говорят, что мы сами творцы своей судьбы. Если человек хочет чего-то добиться, то он обязательно добьется. Если у него будет стимул это сделать. (Ж., 20, низкий доход, село, Россия)

А.: Надо, чтобы давали заработать больше. И все! Люди бы сами заработали. (Ж., 55) Т.: Дать возможность зарабатывать. Ты должен знать, что если ты можешь работать, то работай — и получай. А не хочешь — сиди в бомжах. (Ж., 26) С.: Да, я согласна. Надо дать возможность заработать. (Ж., 39) Т.: Но как дать эту возможность? У нас нет этой возможности абсолютно. (Ж., 26) С.: Поэтому ее нужно дать. Мы и хотим, чтобы ее дали. (Ж., 39) Ю.: Я тоже поддерживаю, что надо дать возможность. (Ж., 29, средний доход, село, Беларусь)

Выбор подобной активной позиции при минимальных патерналистских ожиданиях преобладал во всех российских и белорусских группах, как в городе, так и на селе. Однако интенсификация труда, по мнению респондентов, имеет и негативную сторону — для женщин дополнительная занятость идет в ущерб семье, воспитанию детей, и для всех, как правило, влечет за собой переутомление, болезни: недаром в связи с этим в белорусских группах в дискуссии упоминалась проблема ранней мужской смертности.

В.-2: Сейчас Екатерина говорила, что одна и вторая работа. Но если у вас будут дети, то какая из вас мама после двух работ? Это мы призывали по старинке: остаться сверхурочно, пойти на вторую работу, еще что-то. То есть загрузая себя же. (М., 44) А.: А жить-то когда, да! (М., 25) В.-2: Да, вы загубите свою молодость. И доживете не до 100 лет, а до 40. Вот год назад я был на кладбище. И смотрю, что мужчины умирают вообще в молодом возрасте! Кто спивается, кто еще что-то. (М., 44, средний доход, город, Беларусь)

Н.-1: Я пыталась. Я одно время так работала. Но надоело работать за эту мизерную зарплату, выкладывать все свои душевные силы и физические.

А нужно было жить лучше, хотелось жить лучше. И я работала на трех работах. Но я уходила в полседьмого и приходила в 11 вечера. Вот так я прожила два года. Но сколько можно? Это же издевательство над человеком! И почему я должна затрачивать море своих сил? Я уже забыла, что такое я. Надо быть самой собой. (Ж., 46, низкий доход, город, Беларусь)

В ходе дискуссии в обеих странах высказывались мнения о том, что если бы уровень зарплат соответствовал трудовым затратам, то никакой дополнительной занятости и изматывающих подработок не потребовалось. В связи с этим респонденты часто приводили в качестве примера уровень зарплаты в других странах — Швеции, США, Германии. При этом недовольство выражалось не столько абсолютным уровнем заработной платы, сколько ее относительным выражением, невозможностью удовлетворить базовые потребности (в образовании, медицинском обслуживании, жилищной обеспеченности, досуге и т. д.), соответствующие современному уровню развития общества.

Ю.: (...) Если только дополнительно какую-то работу искать, это реально вообще, но времени не будет вообще ни на что, но зато деньги будут. (М., 42) Н.: Лучше одну работу с зарплатой, чем десять. (М., 53, средний доход, село, Россия)

Во вторую группу вошли респонденты, которые считали такую «экономическую» стратегию неприемлемой именно для себя: «большая часть моей жизни уже пройдена», «поздно уже», «время упущено», «уже не хватит сил», «мы опоздали». Как правило, такие высказывания принадлежали людям старшего, пенсионного возраста, но иногда об этом говорили и люди среднего возраста.

М: Вы можете что-то экономически предпринять, чтобы изменить свое положение?

В.: Я думаю, что нет, я бессильна. 10 лет тому назад — может, да. У меня даже уверенность была. А сейчас я точно знаю, что у меня не хватит сил. Раньше у меня была энергия, а сейчас я даже по себе вижу, что я очень стала пассивна. Потому что бесполезно об стенку головой биться. Я знаю, что все равно они примут решение за меня — что им выгодно, что им удобно, то они и сделают. Это бесполезно. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

В данной связи неоднократно высказывалось мнение, что улучшение положения собственными усилиями возможно лишь для трудоспособных граждан и неприемлемо для социально уязвимых групп

населения (инвалидов, многодетных и т. д.). По мнению участников фокус-групп, для смягчения проблем социального неравенства для этих категорий населения требуются обязательное вмешательство и помощь государства.

Т.-2: (...) Но изначально есть базовые моменты социального неравенства, которые от нас не зависят. Мужчина—женщина, здоровый—инвалид. А есть те, которые сверху. И их можно решить при желании. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

В российских сельских группах общее настроение было чуть более оптимистичным, чем в белорусских: здесь высказывались идеи о возможности вести подсобное хозяйство, мелкий бизнес. Некоторые жители уже используют преимущества сельского образа жизни — работают на приусадебных участках, разводят скот и т. д.

Н.-1: Конечно, можем. Надо работать. Сейчас заработать можно запросто. Вот мои знакомые молодые ребята работают — по 30 000 спокойно в городе выбивают. (...) Да можно станочек в гараже поставить, корову завести. Тут есть чем заняться. Здесь мерседесов не меньше, чем в городе. Тут возможностей не меньше, чем в городе. Люди живут. (М., 49, низкий доход, село, Россия)

Белорусские сельские респонденты практически вообще не видят для себя возможностей изменения ситуации к лучшему. В деревне невозможно найти дополнительный заработок, зарплаты низкие и фиксированные. Поменять работу затруднительно, так как предложение мест работы очень ограничено: сельское хозяйство, школа, больница, магазин. Взять кредиты на развитие собственного дела невозможно из-за бюрократических препон. Некоторые респонденты высказывали желание уехать в город, однако ситуация с отсутствием жилья в городах не позволяет им это сделать.

Л.: Я из этой деревни выехать не могу, не то что работу сменить! У меня пока выхода никакого нет. (Ж., 35) А.: Равных возможностей пока нет. (М., 58) Л.: Пока нет, да. (Ж., 35) С.: Работу тут нельзя найти. Если есть какая-то оплачиваемая работа, то она занята. (Ж., 49, низкий доход, село, Беларусь)

С.: Тут никак нельзя пойти на вторую работу, потому что тут нет мест. Куда пойти? Нет свободных мест. Только школа и совхоз. (Ж., 39, средний доход, село, Беларусь)

Таким образом, для жителей белорусского села экономический путь улучшения своего положения гипотетически возможен, но в реальности почти невыполним, и в значительной степени зависит от экономической политики государства.

2.2. «Сетевая» стратегия (использование социальных связей для решения проблем социального неравенства)

Еще одним способом улучшения своего положения, который был предложен модератором для обсуждения, было использование личных связей. В большинстве фокус-групп такая «сетевая» стратегия была признана гипотетически вполне работоспособной: наличие знакомств во властных структурах вполне может помочь решить частные проблемы индивида. Правда, как оказалось, никто из респондентов этими связями не обладал, но несколько российских респондентов заявили, что собирались предпринимать действия по их поиску.

Е.: Конечно, если личные связи есть, то даже в моем возрасте можно. (Ж., 62) А.: Конечно, если есть связи, то очень много можно сделать. И трудоустройство, и поступление в вуз. (Ж., 22, низкий доход, город, Россия)

А.: Если, как у нас говорят, есть «волосатая лапа», то можно выбиться как-то, но если ее нет, то бесполезно дергаться. Смысла нет никакого, напрасно тратить нервы и здоровье свое. Сам крутись, но на другую помощь не рассчитывай. (М., 47, средний доход, село, Россия)

Однако для многих белорусских респондентов использование личных связей оказалось вообще неприемлемым. Как высказался один из сельских респондентов, это «неправедный путь».

Н.-1: ... Я верю только в себя... Если человек сам строит свою жизнь, то только от него зависит. (Ж., 46, низкий доход, город, Беларусь)

Ж.: Я со своими трудностями привыкла бороться сама. (Ж., 37, низкий доход, село, Беларусь)

Результаты массового опроса также подтверждают данные фокус-групп: и в России, и в Беларуси подавляющее число респондентов признали важными знакомства с нужными людьми (91,5% и 93,7%) или политические связи (67,2% и 60,5%). Вопрос о том, сколько респондентов обладают такими связями, задан, к сожалению, не был.

2.3. «Политическая» стратегия

«Политическая» стратегия предполагала активное участие в политической жизни страны, партийную деятельность, общественную

активность и т. д. с целью улучшения своего материального положения или продвижения по социальной лестнице. Эта стратегия привлекла очень мало участников в обеих странах. При этом в дискуссии акцент сдвинулся с решения личных проблем с помощью «политической» стратегии на общее недоверие респондентов к институту политической партии. И в России, и в Беларуси об участии в партийных структурах респонденты отзывались негативно, при этом использовались эмоционально окрашенные определения, такие, как «политика — грязное дело», «вера пропала», «боже упаси», «там одни болтуны», причём независимо от возраста участников.

И.: Вера пропала ко всем партиям. (М., 23, низкий доход, село, Россия)

Н.: Боже упаси, я был партийным, во наелся! (М., 53, средний доход, село, Россия)

О.: При помощи политики — нет. Только работа. (Ж., 31, низкий доход, город, Беларусь)

Л.: Мы хотим спокойно жить, работать, растить детей. А политика — это не такой путь. Это для того, кто к этому тяготеет. (Ж., 35, низкий доход, село, Беларусь)

Только двое российских респондентов, молодые люди 23 лет, заявили, что гипотетически готовы были бы пойти таким путем исключительно из карьерных соображений.

Т., Н.: Нет, нет. Ни в коем случае. (Ж., 50; Ж., 44) М.: А я готов. Но пока не могу сказать, в какую партию. (М., 23) Р.: Чья программа вам ближе. (Ж., 45) М.: Да-да, скорее всего, которая ближе ко мне по программе. (М., 23) И.: Из корыстных целей? Если из корыстных, то все равно. (М., 23) М.: Не обязательно корыстные цели, но чтобы у тебя была возможность влияния. Через партию легче влиять на власть. (...) (М., 23, низкий доход, город, Россия)

Интересно, что из всех четырех российских групп в партиях состояла только одна женщина в сельской группе (партия «Жизнь»), да и она признала бессмысленность своего членства.

В Беларуси ситуация с политическим участием в жизни страны несколько иная. Там молодежь, работающая на государственных предприятиях, а также студенты фактически принудительно загоняются в БРСМ (Белорусский республиканский Союз молодежи), участие в нем навязывается сверху (там нужно «только кивать головой»). В реальности этот союз (партия) слишком идеологизирована, и отталкивает

большинство граждан тем, что скорее напоминает бывший комсомол, чем реально действующую политическую силу.

А.: У нас хочешь или не хочешь, а если пришел на государственное предприятие, надо обязательно вступить в БРСМ. (М., 25) А.-1: Да, 300 000 человек в БРСМ, такая масса большая молодежи, такая мощная сила, ну а что они делают, я не вижу. Что делает этот БРСМ? Они говорят, что мы на субботники ездим, убираем там что-то. То есть обратно в лапти, в коммуны. Мне почему-то это больше напоминает модель — я не жил, когда были пионеры и комсомольцы, но это все очень сильно напоминает. И это негативно все. (...) А.-1: Понимаете, там слишком много идеологии. Идеология — это самое плохое. Слишком узкая направленность этой идеологической дорожки. Причем идеологическая дорожка полностью соответствует направленности политической в нашей стране. (М., 20, средний доход, город, Беларусь)

Кроме непосредственного членства в политических партиях, возможен еще **социально-политический путь**: борьба за свои права, участие в выборных органах и т. д. Об этом спонтанно упомянули респонденты в двух российских фокус-группах, однако развития эта тема не получила. Призывы бороться за свои права (например, устроить забастовку) прозвучали в России только в сельских фокус-группах, артикулированы они были представителями среднего поколения. Однако эти призывы не были поддержаны остальными участниками.

Н.-1: Да. Вот мы согласились на этот уровень зарплат — вот нас на них и держат. А отказались бы, весь завод «Электрик» развернулся бы и ушел или забастовку — то вот начальник бы попрыгал. Постоял бы завод недельку — аренда-то все равно пойдет! И из его кармана! Выходит у него нет! Надо бороться за свои права. (М., 49, низкий доход, село, Россия)

Н.: Борьба, борьба и еще раз борьба. (М., 53) Ю.: Это на Западе люди быстренько собираются, а у нас народ такой, терпит, терпит, терпит, а потом берет вилы и идет крушить. Так оно и есть. (М., 42, средний доход, село, Россия)

В белорусских фокус-группах обсуждение социально-политического пути вызвало более широкую дискуссию. Респонденты в этой связи констатировали, что депутаты, призванные защищать интересы простых граждан, либо устранены от реальной политики, либо вспоминают о своих обязанностях только в период выборов.

Ю.: А у нас депутатов просто нет, поэтому и нечего говорить. Они есть, но их устранили просто-напросто. (М., 41, низкий доход, город, Беларусь)

А.: Да никто не поможет. Будут всегда помогать, когда опять же выборы в областные депутаты. (М., 27, средний доход, село, Беларусь)

Страх, существующий в белорусском обществе, несмотря на нежелание респондентов его показывать, иногда прорывался в некоторых высказываниях. Так, социально-политический путь в одной из групп был назван «очень тернистым», а в другой отрицался из нежелания «быть закатанным под асфальт». Лишь отдельные респонденты высказывали свои демократические идеи: так, одна респондентка в минской группе полагала, что политика — это неиспользованная возможность:

Т.: Поскольку мы граждане своего государства, мы должны оберегать своих депутатов. (...) Я считаю, что это одна из неиспользуемых возможностей. Если на наши денежки сидит армия депутатов, а они не работают на нас? Мы не хотим использовать законодательство в наших интересах. И это наши проблемы. Это неиспользованные возможности. (Ж., 36, низкий доход, город, Беларусь)

А другой респондент в этой же группе высказал точку зрения, что демонстрации, открытое выражение своих идей и стремлений могут заставить президента провести демократические реформы в обществе.

Ю.: Я не хочу, чтобы мы вышли с автоматами, но я хочу, чтобы мы использовали инструменты какие-то. Вот наш Батька не такой уж тупой, что-то в нем должно быть. Вот чуть-чуть бы он пустил демократов, подумал бы, какие они могут дать хорошие шаги. И надо использовать не автоматы, а демонстрации. А то наши люди забыты и несчастны. Они в этих колхозах скоро загниют... А я считаю, что все должны добиваться, должны выходить вот и эти бабушки-пенсионерки. Надо выходить, надо наших людей чему-то учить. (М., 41, низкий доход, город, Беларусь)

Но остальные участники не поддержали его, так как не верили в действенность этого пути решения проблем и не видели возможности реализации такого способа общения с властью.

Т.: Они не пойдут. (Ж., 36) С.: Им некогда. (Ж., 35) О.: У нас менталитет другой. У нас боятся все. (Ж., 31)(...) Ю.: Но политика — это одна сторона. А если вы будете в оппозиции? (М., 41) И.: Да какая оппозиция!

(М., 22) О.: Она полностью под Президентом. (Ж., 31, низкий доход, город, Беларусь)

Таким образом, «экономическая» стратегия улучшения своего положения оказалась наиболее реальной для респондентов, хотя и она имеет существенные ограничения, связанные с недостаточностью нормативных, законодательных и институциональных условий в обществе.

3. Роль различных институтов в решении проблем социального неравенства

3.1. Роль конкретных институтов (правительство, президент, местные власти, политические партии, СМИ, профсоюзы, церковь, некоммерческие организации)

Для обсуждения респондентам был предложен список социальных институтов, деятельность которых в решении проблем социального неравенства они должны были оценить: правительство, президент, местные власти, политические партии, СМИ, профсоюзы, церковь, некоммерческие организации. В двух фокус-группах модератор предложил респондентам самим назвать институты, деятельность которых способствует сокращению уровня неравенства в обществе. И в российской и в белорусской группе в первую очередь был назван Президент, правда с оговоркой, что хотя он и принимает правильные решения, но чиновники более низкого уровня их не выполняют. В Беларуси также были названы благотворительные организации.

Следует отметить, что респонденты часто сбивались с оценки деятельности конкретных институтов на критику «властей» вообще. Вопрос о власти проходил через дискуссии всех фокус-групп и являлся одним из центральных. Обсуждение, как правило, было достаточно эмоционально окрашено и изобиловало в основном негативными оценками: «только лозунги», «только обещания», «нахлебники», «ни черта не делают», «вызывают неуважение». На «власть» в целом респонденты возлагают ответственность и за высокий уровень социального неравенства в обществе.

Л.: Ни черта они не делают! (М., 23) Т-1: Только на словах. (Ж., 56) Т-2: Да, по телевизору они говорят. Но ничего не делается. (Ж., 53) В.: Вообще ничего не ощущается. Но говорят очень хорошо. Вот слушаешь и думаешь: неужели правда они решат наши проблемы? Но получается, что ничего. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

В.: Пока только разговоры. Дальше этого не идет. (М., 65, средний доход, город, Беларусь)

О высокой степени социального неравенства, которая в конечном итоге приводит к разрыву между обществом и властью, когда власть выступает либо на стороне только высоко обеспеченных слоев населения, либо реализует собственные интересы, пишут некоторые российские исследователи⁹. Основная часть населения в этом случае перестает себя идентифицировать с государством и властью, выделяя «власть» как самостоятельную силу, ответственную как за личное, так и общее социальное неблагополучие в стране.

Рассмотрим оценку деятельности каждого из предложенных для обсуждения социальных институтов в области сокращения уровня социального неравенства.

Что касается роли **Президента**, то можно отметить, в первую очередь, различия в городском и сельском дискурсе наших респондентов. В основном участники российских фокус-групп отмечали, что деятельность Президента ощущается мало: с его стороны есть какие-то «обнадеживающие» высказывания, он издает вполне позитивные указы, но результатов нет. Если в российских *сельских* группах встречалось мнение, что из всех властных институтов только Президент что-то и делает для снижения уровня неравенства, то в *городских* таких высказываний не было вообще.

Т.: Обнадеживающие лозунги, по-моему, есть. Если верить. Со стороны Президента, да. Но только лозунги. (Ж., 61) А.: Только обещают. Я ничего такого не замечаю и не ощущаю. (Ж., 22, низкий доход, город, Россия)

В белорусских фокус-группах мнения, высказанные городскими и сельскими участниками, различались гораздо сильнее, а накал дискуссии был значительно выше. В *городском* дискурсе в значительной степени преобладали негативные оценки деятельности Президента: он что-то делает, но мало; у него нет никакой экономической программы; душит налогами народ и т. д.

⁹ См. например, научный доклад Ю.А. Красина «Социальное неравенство в политическом измерении»: URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/socialnoe_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-11-4-16-29.htm (доступно на 07.07.2010); а также *Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: Институт социологии РАН, 2009.*

Ю.: Президент старается, но ничего не получается. (Ж., 29) С.: Да, президент делает хорошее, но он не знает о том, что творится в глубинке. Это мое мнение. (Ж., 39) Л.: Это общее. (Ж., 48, средний доход, село, Беларусь)

А.: Институт президента предпринимает. Но дальнейшая власть это не исполняет. Это самое опасное. (М., 58, низкий доход, село, Беларусь)

При анализе оценки деятельности **правительства** можно отметить сходство мнений российских и белорусских *городских* респондентов. Они отмечают, что правительство или вовсе ничего не делает, или делает очень мало для решения проблем социального неравенства, а результаты этой деятельности практически незаметны.

Л.: Ни черта они не делают! (М., 23) Т.-1: Только на словах. (Ж., 56) Т.-2: Да, по телевизору они говорят. Но ничего не делается. (Ж., 53) В.: Вообще ничего не ощущается. Но говорят очень хорошо. Вот слушаешь и думаешь: неужели правда они решат наши проблемы? Но получается, что ничего. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

Экономические меры, которые все-таки предпринимаются правительством, на самом деле не изменяют ситуацию с социальным неравенством, а только усугубляют ее. В частности, респонденты в обеих странах считают, что политика правительства направлена на подрыв частного предпринимательства, сворачивание мелкого и среднего бизнеса.

А.: Вот мы говорили о возможности заняться своим бизнесом. Правительство местное мелкому бизнесу не дает развиваться. Под предлогом терроризма. (М., 41) М.: Мелкий бизнес давят по-страшному. (М., 23) И.: Мелкий бизнес на государственной службе. Вот человек имеет возможности, естественно, он начинает с компаньонов. Грубо говоря: дайте мне денег, ребята — и я вам дам зеленый свет. (М., 23, низкий доход, город, Россия)

Респонденты в обеих странах считают, что в правительственных структурах слишком много воровства и коррупции, и это негативно влияет на экономическую составляющую жизни общества. В целом в ходе дискуссии о социальном неравенстве в фокус-группах респонденты отмечали высокий уровень коррумпированности чиновников различного уровня, что вполне соответствует результатам, полученным в массовом опросе. 85,1% россиян и 52,6% белорусов счита-

ют, что коррупция широко распространена среди политиков; 68,7% опрошенных в России и 39,6% в Беларуси считают, что коррумпированы большинство государственных служащих.

Е.: Вот поэтому и крадут, наверно. Вот в государственной сфере ведь каждый чиновник себе откладывает. Все коммерческие сделки состоят из того, что там есть процент, заложенный на откат для того, кто сверху пробивает эту сделку, беря эти бюджетные деньги. (Ж., 31, средний доход, город, Беларусь)

Наиболее критический характер носило обсуждение деятельности правительства в *городских* группах Беларуси. Участники этих фокус-групп полагали, что в правительстве никто не заинтересован в решении проблем социального неравенства, а те меры, которые предпринимаются (помощь многодетным семьям, льготное кредитование и т. п.), являются только показными и недоступны значительной части населения. Ограничения в размерах заработной платы, прогрессивная шкала налогообложения в том виде, в каком она существует в Беларуси, только увеличивает разрыв в благосостоянии между простыми работниками и власть имущими, так как свои возможности представители правящего класса ограничивают мало. Правительство же полностью подконтрольно Президенту.

В.: Думаю, что что-то делается, но не в том объеме, в каком должно делаться. Полной реализации этого момента не способствует. Хотя определенные шаги делаются. (М., 50) (...) Т.: Я считаю, что в настоящий момент никто из них в этом не заинтересован. (Ж., 37) А.: Может, я этого не замечаю, но мне кажется, что ничего не происходит. (М., 25, средний доход, город, Беларусь)

В отличие от *городских*, в белорусских *сельских* группах оценка правительства была достаточно позитивной. Участники дискуссии высказывали мнения, что правительство много делает для изменения уровня социального неравенства — выделяет средства на социальные нужды, здравоохранение, спорт и т. д., тормозит рост цен, даже ответственно за тот факт, что «нет войны». Однако в основном все эти блага достаются городским жителям. Чиновники же не претворяют решения правительства в жизнь, тормозя их на низовом уровне.

Такие суждения подтверждаются и результатами массового опроса. В России большинство (64,6%) не согласны с положительной оценкой деятельности правительства. В Беларуси 36,9% не согласны с тем, что

правительство действует на благо большинства, при 58,6% согласных, причем более 70% придерживающихся последней точки зрения, — именно сельские жители.

При оценке респондентами деятельности **местных властей** мнения респондентов опять же разделились на две группы по поселенческому принципу. *Городские* участники обеих стран мало высказывались на эту тему, основную долю критики направляя на вышестоящие властные органы. В то время как *сельские* жители в России и Беларуси в большей мере недовольны именно деятельностью местных органов власти — районного руководства, органов муниципального управления, чья деятельность лучше видна простым жителям, а результаты работы в наибольшей степени влияют на повседневную жизнь людей.

Участники сельских фокус-групп в двух странах отмечали, что не видят результатов деятельности местных органов власти, которые своей работой сводят на нет эффект от мероприятий, проводимых Президентом и правительством. Респонденты говорили о том, что на этом уровне власти очень много коррупции, а система эффективного контроля за работой местных администраций отсутствует.

О.: Конкретно я бы всех под одну гребенку не стригла. Но о главе нашего района — он не делает ничего, и делает все возможное, чтобы работа того же губернатора и президента были сведены на нет. (Ж., 28) (...) А.: ...Как сказали, что наши низшие чины как бы вставляют палки в колеса высшим. Но мне кажется, что просто нашему районному правительству это просто невыгодно, они все делают для себя, воруют себе в карман, а большие особо ничего другого не делается... (М., 18, средний доход, село, Россия)

Ю.: Правительство все предпринимает, но низшая власть душит все на корню. Вот эти чиновники. (М., 45) М.: А где они находятся? Ж.: Местная власть. (Ж., 37) А.: Начиная от районной исполнительной, поселковой, областной. То есть подчиненные Президента — они не выполняют. Цепочка обрывается — и все. (М., 58, низкий доход, село, Беларусь)

Оценивая роль **средств массовой информации**, участники и российских, и белорусских фокус-групп отмечали, что СМИ действуют в интересах тех, кто ими владеет (правительство и бизнес-структуры), а потому не могут давать объективной информации об уровне и проявлениях социального неравенства в обществе.

А.: Самое главное, что вся информация, которую нам дает пресса, телевидение и правительство — ее надо фильтровать. Потому что во многом она дается только для того, чтобы нами управлять. Не в обиду будь сказано, они из нас делают стадо баранов. А чтобы мы стадом баранов не были, нам немножко надо включать свои мозги. Вот вся информация, которая нам дается, половина может быть и неправда. Но делается реклама. И надо сидеть и анализировать, почему это сказано. Может, это сказано для того, чтобы нас отвлечь от этого. Это мое личное мнение. (М., 41, низкий доход, город, Россия)

По сравнению с *городскими* российскими в *городских* белорусских группах высказывания относительно роли СМИ были жестче. Респонденты отмечали, что в СМИ «нет критики», «одна ложь», все делается «по указке сверху», также респонденты говорили об отсутствии свободы слова. В *сельских* группах в Беларуси, наиболее лояльно настроенных по отношению к властям, присутствовала и другая точка зрения. Некоторые респонденты отметили, что СМИ дают правдивую информацию о мерах, предпринимаемых Президентом.

Т.: Все исходит только от Президента. Я включаю телевизор, смотрим — и я, например, верю каждому слову сказанному. И все, что показывают. Там реально показывают вещи, которые действительно происходят. (Ж., 26, средний доход, село, Беларусь)

В массовом опросе 50,9% белорусов отметили отсутствие свободы слова и организаций в республике, при 36,5% считающих, что такая свобода имеется и 12,6% затруднившихся ответить.

Последними обсуждались действия **некоммерческих организаций**. Здесь для оценки были предложены профсоюзы, церковь и иные некоммерческие организации.

Судя по высказываниям участников фокус-групп, и в России, и в Беларуси эти организации осуществляют свою деятельность лишь эпизодически. Роли профсоюзов, по мнению респондентов, не видно вообще — профсоюзы ничего не делают, но при этом ничего и не могут сделать, так как лишены практически всех прав и возможностей. Хотя по данным опроса потребность в сильных профсоюзах испытывают 55,0% россиян и 45,2% белорусов. Как считают наши респонденты, благотворительные организации занимаются помощью неимущим, однако это более характерно для Беларуси, куда продолжает поступать гуманитарная помощь с Запада. Деятельность церкви

упоминалась только в белорусских группах. По мнению участников дискуссии, она состоит опять же в помощи нуждающимся и духовной поддержке населения.

В массовом опросе также задавался вопрос о том, какой социальный институт играет наибольшую (наименьшую) роль в уменьшении (увеличении) уровня социального неравенства в обществе. В опросе Президент и правительство были объединены в одну категорию, чего — как показал анализ результатов фокус-групп — не следовало делать, так как люди оценивают их деятельность по-разному. Так, по данным массового опроса наибольшую роль в **сокращении** уровня социального неравенства и в России, и в Беларуси играют Президент/правительство (22,7% и 38,6% соответственно) и церковь (10,2% и 9,2% соответственно). При этом оказалось, что и за **увеличение** уровня социального неравенства в значительной степени ответственны также Президент/правительство. Эту ответственность с ними разделяют политические партии и средства массовой информации. Обращает на себя внимание еще один интересный факт: в опросе роль церкви в уменьшении социального неравенства определена как довольно значительная, в фокус-группах это не проявилось совсем, а дискуссия в большей мере была сконцентрирована на критике властных структур. Значительный процент опрошенных вообще не смогли оценить роль социальных институтов в увеличении/уменьшении неравенства в обществе.

Анализ данных фокус-групп показывает, что, по мнению респондентов, несмотря на различия в политических и экономических режимах между Беларусью и Россией, власти этих стран (на всех уровнях) прежде всего стремятся к реализации своих собственных интересов. В России и Беларуси президенты воспринимаются как практически единственные фигуры государственного аппарата, заинтересованные в сокращении социального неравенства и улучшении жизни простых граждан.

3.2. Меры, направленные на снижение социального неравенства (предпринимаемые различными институтами власти и необходимые, по мнению респондентов)

В конце дискуссии был задан вопрос о том, какая политика может что-то изменить в обществе в плане социального неравенства. Все меры, предложенные респондентами, можно разделить на две группы: экономические и политические.

	Россия	Беларусь
экономические меры	1. Изменение системы формирования заработной платы и социальных выплат	
	- минимальная заработная плата не ниже прожиточного минимума - соответствие уровня зарплат достойному образу жизни - увеличение пенсий и пособий	- снятие ограничений на размер заработной платы
	2. Формирование разумной налоговой политики	
	- введение прогрессивной шкалы налогов	- отказ от прогрессивной шкалы налогов
политические меры	3. Социальная защита малоимущих	
	4. Подотчетность чиновников и усиление их ответственности	
	5. Создание рычагов влияния граждан на власть	5. Равенство всех перед законом
		6. Либерализация экономики и политики

Одной из основных мер для российских и белорусских участников является **изменение системы формирования заработной платы**. При этом российские респонденты предлагали устанавливать минимальную заработную плату не ниже прожиточного минимума, а также высказывали мнение о необходимости соответствия уровня заработных плат «достойному образу жизни» («чтобы человек мог прожить на эту заработную плату»). Они отмечали, что заработная плата должна соответствовать затратам труда работника, а не формироваться исходя из желания «начальства» или владельца предприятия. Белорусские участники, наоборот, предлагали отменить ограничения на размер заработной платы, закрепленные в белорусском законодательстве. Такая разница в предлагаемых мерах определялась различиями экономической политики двух стран.

В сельских группах обеих стран высказывалось мнение, что государство должно создать рабочие места, чтобы граждане имели возможность больше зарабатывать. Это объясняется тем, что на селе высок уровень безработицы и ощущается острая нехватка рабочих мест, особенно с высоким уровнем заработной платы.

Также респонденты обеих стран как необходимую меру выделили **формирование разумной налоговой политики**. Но если в российских группах участники указывали на необходимость введения про-

грессивной шкалы налогов на доходы, то белорусские участники эту систему критиковали, поскольку ее белорусский вариант не стимулирует работника много зарабатывать и губит мелкое и среднее предпринимательство.

Ю.: Налоговая политика — это реально, думаю, что 13% не должны все платить. Если ты получил миллион долларов или миллион рублей, заплати налог, поделись хотя бы. (М., 42, средний доход, село, Россия)

Ю.: *Вот у нас такая политика, что она обязательно должна душить налогами как можно больше. Плачут предприниматели. А нам надо как раз наоборот — отпустить, может быть, бремя налогов. Но за счет того, что люди начнут спокойно дышать.* (М., 41, низкий доход, город, Беларусь)

Прогрессивный налог не находит поддержки среди белорусских респондентов даже тогда, когда его предлагают применять для тех, кто зарабатывает «непомерно слишком много», так как такой налог может повлиять на мотивацию остальных и им «не захочется зарабатывать». Следует отметить, что с января 2009 г. белорусское правительство отказалось от прогрессивной системы налогообложения. Мы можем отметить тот факт, что наше исследование сумело замерить критическое настроение в обществе, его готовность к определенным переменам и констатировать некоторую долю давления общественного мнения на экономическую политику государства.

Помимо этого, респондентами среди необходимых мер назывались увеличение пенсий и пособий, а также социальная защита малоимущих.

Как меру политического характера можно выделить отмеченную респондентами необходимость **подотчетности чиновников**, усиление их ответственности перед законом. В белорусских группах отмечались также необходимость ограничения чиновничьего аппарата и постоянная его ротация.

При этом респонденты считают, что, с одной стороны, власть должна сама инициировать подотчетность, это ее функция и даже обязанность — быть подотчетной. С другой стороны, было высказано мнение, что люди должны требовать отчета от власти или начальства, «бороться за свои права», «требовать, чтобы они выполняли то, что обещали». Эти высказывания встречались и в российских, и в белорусских группах.

Как специфику белорусской дискуссии, мы выделили часто высказываемое мнение о том, что «закон должен быть равным для всех» — и для представителей властных структур, и для простых работников. А простые граждане должны иметь возможность не только знать свои права, но и реализовывать их. Для белорусских участников важно, чтобы чиновники и простые граждане были равны, так как на практике те, кто близок к власти, имеет гораздо больше возможностей для улучшения своего положения. Это и банальная коррупция (например, откаты при заключении контрактов), и использование доступа к информации и другим ресурсам (взять кредит, быстро оформить бумаги и т. д.). По мнению респондентов, все ограничения касаются именно рядовых граждан, но соблюдать законы все должны одинаково: тогда тот, кто у власти, будет равен простому человеку.

Е.:...Вот в государственной сфере ведь каждый чиновник себе откладывает. Все коммерческие сделки состоят из того, что там есть процент, заложенный на откат для того, кто сверху пробивает эту сделку, беря эти бюджетные деньги. (Ж., 31) (...) В.-2: Вот сказали про закон. Но соблюдение закона у нас очень сильно хромает. Если бы с самого верха до самого низа именно соблюдали закон, то все было бы нормально. (М., 44, средний доход, город, Беларусь)

Также в городских белорусских группах прозвучало требование либерализовать экономику и политику и дать свободу для развития среднего класса, составляющего основу любого экономически развитого государства.

В российских фокус-группах говорили о необходимости создания рычагов влияния на власть.

М.: К сожалению, те рычаги влияния, которые у нас есть на власть, они слабоваты. Да, мы можем голосовать, у нас демократия, но нам, большинству, навязывают мнение через телевидение и СМИ. И второй момент. Существующая ныне вертикаль власти, с одной стороны, хороша тем, что ей легко управлять, но, с другой стороны, плоха, что на нее труднее влиять. Те же губернаторы — их мы сами не можем выбрать на данный момент. (М., 23, низкий доход, город, Россия)

По мнению участников дискуссии, реализация права голосовать и выбирать ограничена, с одной стороны, средствами массовой информации, которые навязывают большинству их выбор, а, с другой стороны, вертикалью власти, которая не позволяет выбирать наиболее влиятельных представителей власти, например, губернаторов.

4. Выводы

По мнению респондентов обеих стран, смягчение проявлений социального неравенства возможно прежде всего посредством улучшения собственного материального благосостояния.

При этом, как правило, респонденты в России и в Беларуси выбирают «экономическую» стратегию решения вопросов повышения собственного благосостояния, включающую смену работы, дополнительную занятость, интенсификацию труда и т. д. Но этот выбор обусловлен недостаточностью законодательной и институциональной базы, не позволяющей гражданам активно включаться в предпринимательскую деятельность.

«Политическая» стратегия улучшения своего положения респондентами обеих стран, как правило, отвергалась вследствие общего недоверия к институту политической партии. Социально-политический путь (борьба за свои права, участие в выборных органах и т. д.) упоминался респондентами и в российских, и в белорусских фокус-группах. Однако, если в российском обсуждении эта тема развития не получила, то в белорусских группах были высказаны осторожные идеи о необходимости демократических реформ в обществе. Можно сделать вывод, что если в российском дискурсе наблюдается явная социальная апатия населения, недоверие к политическим институтам, неприятие в действенность такого пути и зачастую — неготовность населения к участию в политической деятельности, то в Беларуси это, скорее всего, связано с нежеланием поддерживать действующую власть и одновременно — с опасением участвовать в протестных акциях.

Ни один действующий социальный институт в российском и белорусском обществе, по мнению участников дискуссии, не реализует политику по сокращению уровня социального неравенства. Принимаемые меры носят эпизодический, а не системный характер. В обсуждении широко распространён дискурс о том, что реальная ситуация в обеих странах вряд ли изменится в ближайшее время, так как властные органы ничего не собираются предпринимать. Данные высказывания также свидетельствуют о высокой степени неверия граждан России и Беларуси в экономическую и социальную политику своих государств.

Российский и белорусский дискурсы сходны в оценке практически всех социальных институтов общества в плане решения проблем социального неравенства, кроме института Президента, отношение к которому у значительной части белорусов намного менее критичное.

Комплексы предлагаемых российскими и белорусскими респондентами мер по смягчению социального неравенства в значительной степени пересекаются. Однако, если предлагаемые российскими участниками меры направлены скорее на создание достойного уровня жизни занятого населения и социальную поддержку малоимущих, то требования участников белорусских групп более четко сформулированы, обширны и включают меры как экономического, так и политического характера (равенство всех перед законом, либерализация экономики и политики).

В целом респонденты ждут от своих государств таких институциональных преобразований, которые бы не сдерживали экономической свободы граждан и были направлены на развитие предпринимательской среды. При этом в обеих странах патерналистские ожидания социальной поддержки от властей оказались минимальными, поскольку в такой ситуации населению приходится перестраиваться и возлагать надежды лишь на собственные усилия, но с единственной оговоркой — этот путь не подходит социально уязвимым слоям: пенсионерам, инвалидам, многодетным.